

ПАРАМЕТРЫ ОБЩЕСТВА

А. В. Алейников,

И. Д. Осипов

DOI: 10.7256/1999-2793.2014.1.10369

ВЛАСТЬ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В РОССИИ: ОПЫТ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО АНАЛИЗА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ТРАЕКТОРИЙ. Статья 1

Аннотация. В настоящей статье рассматривается историко-культурная специфика генезиса российского предпринимательства и основные параметры доминирующей модели его отношений с государством. На основании анализа широкого исторического материала авторы стремятся показать системные характеристики специфической социокультурной композиции отношений общества, бизнеса и власти. Центральный элемент российской институциональной структуры, или «матрицы», достаточно точно описанный В. О. Ключевским как «казенно-парниковое воспитание промышленности», состоит в выходе государства российского за рамки регулирования условий ведения предпринимательской деятельности, а главным является регулирование доступа к дефицитным ресурсам. Проблема становления и эволюции российской модели взаимоотношений бизнеса и власти может быть удовлетворительным образом осмыслена на основе комплексного культурно-исторического подхода к анализу конкретных «кейсов». Такой взгляд на данную проблему предполагает осмысление в проекциях системности, т. е. включения генезиса предпринимательства в широкую институциональную и социально-культурную систему. Осмысление проблемы реализуется в двух ипостасях — различения происходящего «в реальности» и «на самом деле». Особенности генезиса в России патримониально-политического капитализма связаны с институциональным порядком «раздатка», определяющим неприятие массами характерных для Запада ценностей и идеалов свободного предпринимательства, которые в российских условиях приобретают новые и не укладывающиеся в известные образцы модели, а отношения общества, бизнеса и власти имеют специфическую композицию. Отсутствие свободной конкуренции, не связанной с откровенным аппаратно-государственным протекционизмом, силовым или криминальным «способом производства», во многом имеет свои исторические предпосылки и в настоящее время тормозит формирование массового «самостоятельно делового человека».

Ключевые слова: Россия, власть, предпринимательство, институциональная ловушка, патримониализм, политический капитализм, раздаток, собственность, культура, общество.

Известная книга Мансура Олсона «Власть и процветание» начинается с формулировки вопросов: «является ли диктатура, которая навязывает режим свободного рынка, единственным спасением для советской экономики?» и «что должна изменить страна в своей политике и институтах, чтобы перейти от экономики «уличных базаров» к рыночной экономике, порождающей богатства»¹?

¹ Олсон М. Власть и процветание. Перерастая коммунистические диктатуры. М.: Новое издательство, 2012. С. 24.

Этот текст также возник в результате одновременного действия нескольких импульсов.

Первый из них связан с исследованиями американского экономиста, одного из авторов экономической программы Рейгана, Уильяма Нiskanена. Он вывел эмпирическую формулу, говоря в терминах марксовской политэкономии, структурного сопряжения политической надстройки и экономического базиса — «При одних и тех же материальных, человеческих и институциональных условиях... страна с оптимальным правительством производит примерно вдвое больше продукции на потенциального работни-

ка и втрое больший средний чистый доход, чем страна с автократическим правительством»¹.

Второй импульс носит методологический характер.

Эксперты и исследователи уже давно зафиксировали некую асимметрию между тем обостренным вниманием, которое современное российское общество высказывает к всевозможным явлениям, связанным с невероятным социальным расслоением в России. В то же время и почти полностью отсутствует интерес к феномену обретения властью легитимности в качестве проводника некоммунистических ценностей рынка.

Сразу же оговоримся: мы рассматриваем отношения власти и предпринимательства в России через культурно-исторический срез различных сюжетов эволюции модели, называемой «институциональной ловушкой» (Дуглас Норт трактует lock in как однажды принятое решение, которое трудно изменить). Данный термин используется для характеристики механизма культурной инерции, благодаря которому неэффективные нормы закрепляются и обретают устойчивость по отношению к различного рода воздействиям².

По многолетним замерам российских исследователей из независимого социологического института «Левада центр», доля респондентов, считающих, что в России невозможно честно заработать крупные суммы, всегда составляла 70–80 процентов, а негативно относятся к появлению «богатых людей» примерно половина опрошиваемых.

Российский политический философ Александр Панарин на начальном этапе постсоветской трансформации писал, что «предпринимательство и народ» главная тема российской истории; от того, как она будет раскрыта и решена, зависит все наше будущее»³.

«Заявленные интересы» российского бизнеса, то есть, в терминологии Ральфа Дарендорфа, высказанные и осознанные ориентации поведения, противостоящие интересам других

групп, в этой главной теме манифестированы открыто. Напомним о процессе «Березовский vs Абрамович» в Высоком суде г. Лондона, на котором в публичном политическом пространстве были озвучены правила взаимоотношений между бизнесом и властью в России. Это и сговор при приобретении нефтяной компании, взятки высокопоставленным чиновникам, всевозможные схемы уклонения от уплаты налогов, обман миноритариев, запугивание и шантаж. Глагол «kinut» и существительное «krysha» отныне расширяют перечень непереводаемых слов политологического лексикона, которыми русский язык периодически обогащает английский.

Вот цитата из показаний крупнейшего российского предпринимателя, владельца футбольного клуба Chelsea и в недавнем прошлом губернатора одного из регионов: «Он [Березовский] назначил себя политическим лидером крупного бизнеса. Мы все ему в этом помогали, все на это работали... Я платил десятки миллионов долларов. Платили многие, но, в основном, я: он был волнорезом. Он все проблемы снимал. Именно за это мы ему и платили». И еще из записи разговора, озвученной на процессе: «Вы же знаете, что если их [перечислены известные российские олигархи и связанные с ними политики] разорвут на куски, то общество будет только радо. А если кто-то будет возмущаться, то обращайтесь к народу. А народ — это быдло»⁴.

«Рынок» в России является в буквальном смысле «супермаркетом» и сформировался как структура, само существование которой оказалось несовместимым с функционированием институциональных механизмов социальности, он «вообще вытесняет общество как каркас человеческих отношений»⁵, материальное состояние становится меркой человеческой состоятельности, а богатство — главным критерием репутации и признания. Ряд авторитетных российских исследователей (С. Барсукова, О. Бессонова, С. Кордонский, С. Кирдина) настойчиво и аргументировано продвигают идею о том, что «В России не плохой рынок, а просто не рынок». Сложился институциональный порядок, называ-

¹ Нисканен У. А. Автократическая, демократическая и оптимальная формы правления: фискальные решения и экономические результаты М.: Изд. Института Гайдара, 2013. С. 119.

² Полтерович В. М. Элементы теории реформ. М.: ЗАО «Изд-во «Экономика», 2007. С. 87–92.

³ Панарин А. Цивилизационный процесс в России: опыт поражения и уроки на завтра // Знамя. 1992. № 7. С. 198.

⁴ Козырев М. Абрамович: «Народ — это быдло» (URL: http://slon.ru/economics/tsitatnik_abramovicha-824591.xhtml (дата обращения: 09.02.2012)).

⁵ Кустарев А. Рецензия на кн. Е. Г. Ясина «Приживется ли демократия в России» // Pro et contra. 2005. сентябрь-октябрь. С. 113.

емый раздатком, при котором вместо купли-продажи как базовых элементов рынка российская экономика базируется на встречных потоках «сдач» и «раздач». Существенно и следующее — каждый этаж государственной и общественной иерархии знает свою норму и форму участия в этом процессе, а служение центру является главным каналом доступа к ресурсам, возможности любых экономических агентов зависят от близости к власти. Зафиксируем: доходы от ресурсной экономики распределяются властью, исходя из «табели о рангах» и степени лояльности к иерархии «стоящих над».

«Раздаток» распространяется на всю сферу социальных отношений, претендуя на роль их всеобщего регулятора, меняя и подменяя социально одобряемые модели поведения.

Принимая этот социологический подход, добавим, что его применение обусловлено рядом контекстуализаций, каждая из которых осложнена многозначностью составляющих. Его инструментальное значение дополняется, в частности, подходом Андрея Ашкерова. Он состоит в том, что «возникший за последние двадцать лет русский ультракапитализм вызвал к жизни особую антропологию, в соответствии с которой человек есть то, что у него есть. Эта антропология является не способом отождествить мораль и успех, а скорее практикой достижения успеха, полностью подминающего под себя мораль... Кромешный ужас нищеты сублимируется в сознании постсоветского обывателя таким образом, что он находит бездомную собаку даже более человеческой, чем бездомного человека»¹.

Дополним эти характеристики одной ремаркой, обратившись к подобной аналогии не как доказательству, а как к иллюстрации.

Э. Бёрк, размышляя в 1790 г. о революции во Франции, артикулировал чеканную формулу: «Правда, великие конфискаторы позволили своим жертвам сохранить некоторые надежды на крохи и объедки с их же собственного стола, от которого их отогнали с такой жестокостью, чтобы устроить пир для гарпий лихоимства и ростовщичества. Но лишить людей независимости, заставить жить на подаяние — само по себе ужасная жестокость. То, что некоторому классу людей, не привыкших к другой жизни, могло показаться выносимым, превратилось в ужасную катастрофу

¹ Ашкеров А. Нулевая сумма. Советское и постсоветское общество глазами антрополога. М.: СКИМЕНЪ, 2011. С. 75.

для тех, кто никогда даже близко не подходил к подобному состоянию. Многим наказание бесчестием и разорением казалось хуже смерти»².

Традиционалистские установки негативного отношения к предпринимательству существенно артикулированы социальной памятью о реальном воплощении коммунистической утопии, умноженной на эмпирически осознанный «вброс» в рыночные отношения. Для России, страны, по сути дела, с полупатриархальной нравственностью, внезапное появление массовых криминальных разборок, огромного рынка проституции и наркомании, «переквалификация» инженеров в «челноков», разрушение советской социальной инфраструктуры не могли не привести к деморализации и десоциализации общества.

Современный капитализм на Западе сформировался в результате длительной политической борьбы против ценностей Средневекового, феодального мира и является итогом длительного развития свободной конкуренции власти и буржуазного сообщества. Российский же бизнес возник по политической воле государства и на основе разрушения огосударственной экономики, что создает особый тип социальной архитектуры отношений труда и капитала, собственника и менеджмента, бизнеса и власти. Отсутствие свободной конкуренции, не связанной с откровенным аппаратно-государственным протекционизмом, силовым или криминальным «способом производства», во многом имеет свои исторические предпосылки и в настоящее время тормозит формирование массового «самостоятельно делового человека» (в терминологии Ф. М. Достоевского).

Эти базовые институциональные и социальные уровни делают интересным целый ряд вопросов. Почему не приживаются фундаментальные социальные институты в трансформирующейся России, а массами не принимаются характерные для Запада ценности и идеалы свободного предпринимательства? Почему последние в российских условиях приобретают новые и не укладывающиеся в известные образцы модели, а отношения общества, бизнеса и власти имеют специфическую композицию?

² Бёрк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М.: Рудомино, 1993 // Великая французская революция. (URL: <http://larevolution.ru/Books/Burkel.html> (дата обращения: 15.02.2012)).

Как ни странно, эти вопросы не слишком хорошо представлены в специальной литературе, в отличие от детального изучения моделей «захвата бизнеса» или «захвата государства».

Практически без комментариев была оставлена симптоматика, предложенная одним из самых влиятельных и закрытых политиков современной России Владиславом Сурковым. Повествуя о социокультурных особенностях генезиса российского предпринимательства, он фиксирует существенную исходную предпосылку: «Дело тут скорее в навыках, в представлении о жизни. Чем занималось поколение современных предпринимателей? Оно делило, участвовало в перераспределении как раз наследства СССР. Их поведенческий мотив прост — надо найти что-то и заполучить. Российский бизнес на сегодня не породил ни Фордов, ни Эдисонов, ни Биллов Гейтсов. Наш бизнес живет не за счет создания новых продуктов и технологий. Он все еще живет в значительной степени перераспределением и эксплуатацией не им созданной собственности. И это не его вина. Это специфика исторического момента»¹.

Позволим себе возрастить Владиславу Юрьевичу. Справедливо указанные им черты российского современного предпринимательства являются, перефразируя Бориса Пастернака, неповторимыми чертами России, особым культурно-историческим типом (Н. Я. Данилевский), совершенно специфической генетической предрасположенностью устройства «под себя» государством российским и экономики, и институционального дизайна предпринимательства.

Институциональное конструирование российского предпринимательства предопределяется не безличностной и абстрактной властью, при которой, как писал Жорж Бурдье, процесс управления подчинен заранее оговоренным условиям и ограждено достоинство управляемых, а практическими схемами установления однородного политического пространства.

В этой призме «раздаток» может быть рассмотрен в контексте тезиса Дэвида Ландеса. В своей знаменитой статье он характеризовал такой тип культуры, как «враждебный к предпринимательству» (и этот тезис в определенной степени перекликается с утверждениями В. Ю. Суркова). Доказывая положение о том, что в истории экономики почти все объясняется куль-

турой, Ландес пишет: «Здесь показателен опыт России, где семьдесят пять лет антирыночной и антибуржуазной пропаганды насадили крайне враждебное отношение к частной инициативе. Даже сейчас, когда коммунистический режим рухнул, люди опасаются неопределенностей рынка и уповают на скуку государственного попечения. Они предпочитают равенство в бедности, присущее земледельческим культурам по всему миру. В одной русской сказке говорится о том, как мужик Иван завидовал другому мужику, Борису, поскольку у того была коза. Однажды появляется волшебница и предлагает Ивану исполнить любое его желание. И чего же, как вы думаете, он желает? Чтобы у Бориса коза сдохла. К счастью, не все русские таковы»².

Симптоматично (заметим об этом вскользь, ибо проблематика этнического предпринимательства не является основным предметом нашего исследования), что Ландес связывает рост деловой активности в посткоммунистической России в основном с предпринимательской «закваской» нерусских меньшинств (армян, грузин и т.д.), частично развивавшейся в теневой и даже криминальной сфере.

Для нас интересен фокус оптики на генезис в России «патримониально-политического капитализма», свой анализ которого уместно начать с обращения к наследию М. Вебера. Он определял его сущность как ориентацию «на возможность немедленной *премиальной добычи* получаемую за услугу политическим или околополитическим субъектам, ... на извлечение постоянного дохода с применением силы на основе политического господства»³.

Данная постановка проблемы выявляет ещё одну призму.

Американский политолог Чарльз Тилли, анализируя историю становления демократических государств, предложил модель, в которой последовательное усиление государства как нации проходит с использованием двух ресурсов

² Ландес Д. Культура объясняет почти все // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований, 2002. С. 40.

³ Вебер М. Типология капитализма // Кустарев А. Капитализм в XXI веке: минус протестантская этика плюс конфуцианство // Неприкосновенный запас. 2011. № 5. (URL: <http://www.nlobooks.ru/node/1045> (дата обращения: 19.08.2012)).

¹ Сурков В. Обновляйтесь, господа! // Итоги. 2009. № 44 (698).

власти: «ресурса принуждения» власти собственно государственной машины и «ресурса демократии» власти капитала. Демократизация, т.е. широкие, равноправные, защищенные взаимообязывающие процедуры обсуждения, подчинение государства публичной политике и увеличение влияния населения на публичную политику, по Тилли, «зависит от основных ресурсов, на которых строится экономика режима»¹.

В такой системе координат капитал и демократия — это не антагонисты, а элементы, замещающие тотальную власть для осуществления целей развития. Главное для нашего анализа основывается на той идее Тилли, что «там, где правители сами осуществляют контроль над производством и/или распределением ресурсов, потребляемых государством либо пользующихся спросом на внешнем рынке — не только нефть и алмазы, но также рабы, специи и прочие товары массового потребления, они, как правило, не вступают в переговоры с гражданами, тем самым блокируя пути демократизации»².

Следует заметить, что в ряде исследований убедительно показано, что наличие значительных сырьевых экспортных рентных доходов и структурных перекосов в промышленности формирует стимулы не только к гипертрофированной роли государства в перераспределительных сетях («перераспределение (*redistribution*) представляет собой акты «стягивания» товаров центром с их последующим перемещением из центра»³), но и запрос на определенный тип политического режима⁴.

Обозначенная актуальность и проблемность исследования историко-культурного аспекта структурной сопряженности государства и предпринимательства, презентующая смысл и содержание процесса ее эволюции в России, позволяет высказать некоторые предположения относительно методологических оснований изучения и обозначить в связи с этим ряд теоретических посылок. Задача выявления всех этих

предпосылок не может быть решена без ясно сформулированного понимания того, что именно следует искать. Прежде чем перейти к анализу, необходимо разобраться с исходными понятиями. Здесь уместно привести высказывание Антуана де Сент-Экзюпери, который сформулировал изысканный методологический прием — «в действительности все иначе, чем на самом деле». С точки зрения социальной философии здесь есть немало тонкостей, игнорируемых в большей части отечественной политологической литературы. Здесь в самом укрупненном, эскизном подходе удобно воспользоваться новаторской концепцией одного из самых оригинальных российских социологов — Симона Кордонского. Он предложил следующий простой и операциональный критерий различения происходящего «в реальности» и «на самом деле».

«Реальность» это совокупность законов и иных писанных норм, и жизнь, согласно этим законам и писанным нормам. «На самом деле» это «другая жизнь», которая может быть противозаконной или нейтральной по отношению к законам, но в любом случае реализуемая в ином социальном пространстве, чем то, которое определяется писаными нормами⁵.

Развивая этот подход, автор утверждает, что в России «в реальности» в стране есть частный бизнес, но «на самом деле» этот бизнес в основном связан с госбюджетом и другими государственными активами, не производит прибавочной стоимости, жирует на государстве и полностью от него зависит»⁶.

Официально декларируемая конфигурация отношений между народом, властью и предпринимательством выстраивается следующим образом — власть заботится о предпринимателях, создавая условия для развития бизнеса, а предприниматели платят налоги, выполняют те социальные функции, которые государство на них возлагает в рамках социальной ответственности бизнеса; отношения между народом и предпринимателями выстраиваются гармо-

¹ Тилли Ч. Демократия. М.: АНО «Институт общественного проектирования», 2007. С. 71.

² Там же. С. 239–240.

³ Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 2. С. 69.

⁴ Gaddy C. G., Ickes B. W. Putin's Protection Racket // From Soviet Plans to Russian Reality / I. Korhonen, L. Solanko (eds). Helsinki: WSOYpro Oy, 2011.

⁵ Кордонский С. Г., Дехант Д. К., Моляренко, О. А. Сословные компоненты социальной структуры России гипотетико-дедуктивный анализ и попытка моделирования // Мир России. 2012. № 2. С. 65.

⁶ Кордонский С. Г. «В реальности» и «на самом деле» // Логос. 2000. № 5/6. (URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_5_6/2000_5-6_07.htm (дата обращения: 19.04.2012)).

нично, народ приветствует развитие «рыночной экономики», а предприниматели действуют исходя из потребностей народа; власть следит за нарушителями социальной справедливости, изолируя их от общества.

«На самом деле», эти отношения имеют другое выражение: власть обирает предпринимателей, а предприниматели всеми силами стремятся не платить налоги и избегать повинностей, которые государство называет социальной ответственностью бизнеса; народ ненавидит предпринимателей, а предприниматели стремятся нажиться за счет народа¹.

Вполне очевидно, что значимость исследования российского «кейса» структурной сопряженности бизнеса и власти представляется особенно насущной и в силу того, что определенные институциональные схемы имеют тенденцию время от времени повторяться.

В самой общей форме наш основной тезис заключается в том, что рассмотрение особенностей «генетической» связи российской системы «бизнес-власть-социум» с предшествующими состояниями, «постижение собственной современности в ее историческом измерении» (Ю. В. Перов), наполнено историческими и современными иллюстрациями тезиса В. Г. Белинского. 165 лет назад он в письме Н. В. Гоголю характеризовал Россию как страну «где, наконец, нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей»². Посмотрим теперь, как в свете этого тезиса выглядит проблема исторического генезиса российского предпринимательства, сфокусировав свои наблюдения на следующих особенностях.

Характеризуя историю предпринимательства в России, можно отметить, что выгодное геополитическое положение славянского государства способствовало развитию торговли еще в глубокой древности. Уже в IX веке торговля становится важной сферой хозяйственной дея-

тельности восточных славян. Со времен Киевской Руси и до конца XVII в. элиту русского купечества составляли «гости» (крупные купцы, торговавшие за пределами России).

Можно выделить несколько видов предпринимательства: частное, государственное и монастырское. Частное предпринимательство осуществлялось в разных формах: индивидуальной, семейной и коллективно-артельной, имело промысловый и торговый характер. В эпоху средневековья определился такой важный фактор развития предпринимательства в России как политика государства. Именно правительство инициировало развитие промышленности и торговли, создавая казенные и частные предприятия. Государство разрабатывало и соответствующую правовую базу для развития предпринимательства. Предпосылкой вмешательства государства в экономическую сферу явились «служебно-домашний» характер русского государства, низкая платежеспособность населения, господство натурального хозяйства в деревне, отсутствие капиталов для организации крупных предприятий. Л. Н. Гумилев отмечает, что «все русское государство представляет собой совокупность сословий, так или иначе связанных с государевой службой»³.

В этих условиях предпринимательство в России было изначально зависимо от государства. Предприниматель зачастую выступал как проситель, и возможность заниматься предпринимательством зависела от государственных чиновников. Эта структура отношений могла упрощаться или усложняться, содержательное властное влияние на предпринимательство — комбинироваться в разной пропорции и в разной структурной аранжировке, практики «воспитания бизнеса» быть более (менее) разнообразными или рутинизированными. Но основные параметры модели, которую В. О. Ключевский назвал «казённо-парниковым воспитанием промышленности», оставались неизменными. Ее суть великий русский историк усматривал в сочетании государственного лелеяния льготами частных любимых компаний и постепенного удаления их от западноевропейских образцов свободного предпринимательства, переделки «на московский лад»⁴.

¹ Кордонский С. Г., Дехант Д. К., Моляренко О. А. Сословные компоненты социальной структуры России гипотетико-дедуктивный анализ и попытка моделирования // Мир России. 2012. № 2. С. 70.

² Белинский В. Г. Письмо к Н. В. Гоголю от 15 июля 1847 г. // Русская литература и фольклор. (URL: <http://feb-web.ru/feb/gogol/texts/ps0/ps8/ps8-5002.htm> (дата обращения: 03.02.2012)).

³ Гумилев Л. Н. От Руси к России. Очерки этнической истории. М.: АСТ МОСКВА, 2008. С. 189.

⁴ Ключевский В. О. Курс русской истории. М.: Альфа-Книга, 2011. С. 823.

На формирование предпринимательства в России большое влияние оказал и моральный фактор, который явился результатом синтеза традиционного мировоззрения и христианства. «Отдавая приоритет духовному началу в человеке, христианство не рассматривает богатство в качестве критерия жизненного успеха, главное его внимание всегда уделялось личности, внутреннему миру человека»¹.

Деловые отношения, начиная с Киевской Руси, развивались в тесной связи с церковной жизнью. В исследованиях, посвященных русской хозяйственной культуре, можно выделить два противоположных суждения. Одно — восхищение духовностью русской культуры, презирующей утилитаризм и практицизм, другое — критика за отсутствие утилитарных установок. На самом деле в русской культуре, как и во всякой другой, сосуществуют как практицизм и рациональные установки, так и их осуждение. «В России практицизм, помноженный на личную хозяйственную инициативу, являлся одной из предпосылок становления предпринимательства»².

В отличие от отмеченной М. Вебером рациональности по цели, характерной для европейской ментальности, российской цивилизации присуща рациональность по ценности³. В обществе, с одной стороны, существовала сильная традиция осуждения личного обогащения и «мещанства». Но, с другой стороны, практическая житейская сметка и умение добиться достатка, всегда уважались в России. Однако ценности прагматизма и личной инициативы не стали доминирующими в России как в западной культуре и взаимодействовали с другими культурными ценностями, например, ценностями государственного служения и социальной справедливости.

В Московском государстве на смену купцу, самостоятельно совершавшему долгие торговые путешествия, приходит торговец с разбросанными по разным городам лавками, складами, с собственными приказчиками, с деловой перепиской и отчетностью. Используя возросший хозяйст-

венный потенциал страны, купец стал соединять торговлю с промысловыми предприятиями. Появляются мануфактуры, основанные на разделении труда и использовании новой техники, и крупная оптовая торговля. В это время начинают свою предпринимательскую деятельность семейства Строгановых, Демидовых, Шустовых. Новые веяния постепенно меняли хозяйственную жизнь, формировали особый тип предпринимателя. Если на Западе предпринимательская среда складывалась на основе накопления капитала, посредством роста ссудных и торговых прибылей, и отчасти земельной ренты, то в России дело обстоит иначе: «отличительной чертой нарождающегося предпринимательского слоя являлась «всеядность хозяина», требовавшая его участия в различных видах хозяйственной деятельности»⁴.

К концу XVII в. формируются следующие типы предпринимателей: иностранные купцы и промышленники, российские купцы и промышленники, дворцовые предприниматели, монастыри-предприниматели.

Эта типология в целом характерна и для Западной Европы, но в отличие от нашей страны там официально в торговлю вовлекалось и дворянство. В России же государство стояло на защите сословного общества и не приветствовало занятие дворянством и крестьянами предпринимательством. Вследствие этого разбогатевшие крестьяне вплоть до отмены крепостного права не могли использовать накопленные капиталы на покупку земли и направляли их в торговлю или ремесло.

Развитию частного предпринимательства способствовала активная протекционистская политика правительства, на которую повлияла и позиция купцов. Способом воздействия купцов на государство были челобитные 1627, 1635, 1637, 1639, 1642 гг. о торговле и конкуренции иностранных купцов, а также Большая челобитная, имеющая подпись 166 торговых людей, которая была подана в 1646 г. Итогом поданных челобитных явился Новоторговый устав 1667 г., разработанный видным государственным деятелем А. Л. Ордин-Нащокиным, который существенно ограничил торговую деятельность иностранцев на территории России. Кроме того,

¹ Румянцев М. А. Этика предпринимательства и национальные традиции в экономике России. СПб.: СПбГУП, 1995. С. 25.

² Макеева В. Г. Культура предпринимательства. М.: Инфра-М, 2002. С. 25.

³ Помпеев Ю. А. История и философия отечественного предпринимательства. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, 2003. С. 30.

⁴ Кузьмичев А. Д., Шапкин И. Н. Отечественное предпринимательство. Очерки истории. М.: Прогресс-Академия, 1995. С. 10.

на основе мнения именитых людей, среди которых были Строгановы, Ф. Венедиктов, М. Гурьев и Б. Никитин, правительство приняло решение о ликвидации множества пошлин и замене их единой рублевой пошлиной. Устанавливается также льготная пошлина при вывозе товаров в европейские страны. Надо отметить, что непосредственная заинтересованность в ограничении иностранной торговли на внутреннем рынке исходила от представителей крупного торгового капитала — гостей гостиной и суконной сотен и торговой верхушки черной сотни. Мелкий же торговый люд часто пользовался у иностранцев кредитом и поэтому не проявлял особой заинтересованности в политике протекционизма¹.

При этом все эти меры правительства имели своей целью, прежде всего, умножение доходов государственной казны. Из-за этого элемент лоббирования в данном случае выступал сопутствующим фактором формирования государственной политики в отношении предпринимательства. Другая цель государственной политики состояла в объединении крупных и мелких торговых капиталов под эгидой первых для борьбы с иностранным купечеством, и данная политика пресекала попытки иностранного торгового капитала захватить русский рынок. Следует отметить, что мелочная регламентация государством торговли не могла не сковывать ее развитие.

В это время российское купечество благодаря торговле заняло высокое общественное положение в Московском государстве, выполняло ряд важнейших государственных поручений, собирало ясак, участвовало во внешней торговле, заведовало таможнями, руководило царскими торговыми монополиями. Особое место занимали царские гости — группа именитого столичного купечества, которые вели торговлю от имени царя и казны. Из представителей региональной купеческой элиты выделялись Строгановы, которые получили жалованную грамоту на освоение богатейших районов Сибири. Они же с 1572 г. финансировали экспедицию Ермака в Сибирское ханство.

Начиная с XVIII столетия, главными фигурами в развитии фабрично-заводской промышленности страны становятся купцы — «старинный капиталистический класс» (М. И. Туган-Барановский). Именно в их среде начал развиваться промышленный капитализм. «Нередко

думают, что петровские фабрики устраивались иноземцами. Однако на самом деле большая часть фабрикантов петровской эпохи были людьми чисто русскими и принадлежали к торговому сословию»².

Это объяснялось не только наличием у купечества крупного капитала (вновь основанные фабрики требовали крупных вложений от частных лиц, руководящих ими), но и потому, что у купцов был выработан комплекс важных качеств для организации и управления производством (инициатива, предприимчивость, ответственность, высокая работоспособность, внутренняя дисциплина, готовность к риску, знания, навыки и т.д.). Петровские преобразования способствовали усилению казенного характера отечественного частного предпринимательства, которое проявилось в стремлении государства контролировать его развитие.

В отличие от стран Западной Европы в России частное предпринимательство было привязано к государственным программам, и фактически был создан класс предпринимателей, зависимых от чиновников. Это привело и к определенному иждивенчеству отечественных предпринимателей, стремлению получить от государства различные льготы. Государство создавало тепличные условия для российских фабрикантов, предоставляя им беспроцентные ссуды, защищая их от конкуренции и передавая им государственные предприятия. Тем самым в какой-то степени был деформирован начальный процесс формирования русской буржуазии.

Прямое и косвенное вмешательство государства в деловую жизнь породило одну из негативных особенностей российского предпринимательства — стремление достигать экономического успеха не столько развитием производства, сколько получением выгодных правительственных заказов. Соперничество за их получение сопровождалось нечестными приемами и обманом. Зависимость предпринимательства от властей способствовала расцвету взяточничества, подкупу чиновников. Из громких дел этого периода известны случаи промышленных спекуляций, которым оказались подвержены А. Д. Меншиков, П. П. Шафиров, один из самых богатых русских купцов М. Г. Евреинов, крупный администратор петровской эпохи князь Г. И. Волконский, генерал-

¹ Маньков А. Г. Законодательство и право России второй половины XVII. СПб: Наука, 1998. С. 140.

² Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. СПб., 1898. С. 8.

адмирал П. М. Апраксин, сибирский губернатор М. П. Гагарин. Справедливости ради надо указать, что несправедливость нажитых богатств лицами, приближенными к власти, приводила их владельцев, как правило, к печальным итогам. Их имущество конфисковалось, а сами они строго наказывались.

Таким образом, в российском институциональном контексте преобладает патримониаль-

ный характер отношений предпринимательства и власти, при котором государственная поддержка развития частной инициативы возможна лишь в качестве вознаграждения за «службу» власти, а барьеры допуска к рынку определяются полезностью представителям государства. О структурных перекосах такого взаимодействия речь пойдет в следующей статье.

Список литературы:

1. Ашкеров А. Нулевая сумма. Советское и постсоветское общество глазами антрополога. М.: СКИМЕНЪ, 2011.
2. Белинский В. Г. Письмо к Н. В. Гоголю от 15 июля 1847 г. // Русская литература и фольклор. (URL: <http://feb-web.ru/feb/gogol/texts/ps0/ps8/ps8-5002.htm> (дата обращения: 03.02.2012)).
3. Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М.: Рудомино, 1993. // Великая французская революция. (URL: <http://larevolution.ru/Books/Burke1.html> (дата обращения: 15.02.2012)).
4. Вебер М. Типология капитализма // Кустарев А. Капитализм в XXI веке: минус протестантская этика плюс конфуцианство // Неприкосновенный запас. 2011. № 5. (URL: <http://www.nlobooks.ru/node/1045> (дата обращения: 19.08.2012)).
5. Гумилев Л. Н. От Руси к России. Очерки этнической истории. М.: АСТ МОСКВА, 2008.
6. Ключевский В. О. Курс русской истории. М.: Альфа-Книга, 2011.
7. Козырев М. Абрамович: «Народ — это быдло» (URL: http://slon.ru/economics/tsitatnik_abramovicha-824591.xhtml (дата обращения: 09.02.2012)).
8. Кордонский С. Г., Дехант Д. К., Моляренко О. А. Сословные компоненты социальной структуры России гипотетико-дедуктивный анализ и попытка моделирования // Мир России. 2012. № 2.
9. Кордонский С. Г. «В реальности» и «на самом деле» // Логос. 2000. № 5/6. (URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_5_6/2000_5-6_07.htm (дата обращения: 19.04.2012)).
10. Кузьмичев А. Д., Шапкин И. Н. Отечественное предпринимательство. Очерки истории. М.: Прогресс-Академия, 1995.
11. Кустарев А. Рецензия на кн. Е. Г. Ясина «Приживется ли демократия в России» // Pro et contra. 2005. сентябрь-октябрь.
12. Ландес Д. Культура объясняет почти все // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований, 2002.
13. Макеева В. Г. Культура предпринимательства. М.: Инфра-М, 2002.
14. Маньков А. Г. Законодательство и право России второй половины XVII. СПб: Наука, 1998.
15. Нисканен У. А. Авторитарная, демократическая и оптимальная формы правления: фискальные решения и экономические результаты М.: Изд. Института Гайдара, 2013.
16. Олсон М. Власть и процветание. Перерастая коммунистические диктатуры. М.: Новое издательство, 2012.
17. Панарин А. Цивилизационный процесс в России: опыт поражения и уроки на завтра // Знамя. 1992. № 7.
18. Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 2.
19. Полтерович В. М. Элементы теории реформ. М.: ЗАО «Изд-во «Экономика»», 2007.
20. Помпеев Ю. А. История и философия отечественного предпринимательства. СПб: Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, 2003.
21. Румянцев М. А. Этика предпринимательства и национальные традиции в экономике России. СПб.: СПбГУП, 1995.
22. Сурков В. Обновляйтесь, господа! // Итоги. 2009. № 44 (698).

23. Тилли Ч. Демократия. М.: АНО «Институт общественного проектирования», 2007.
24. Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. СПб., 1898.
25. Gaddy C.G., Ickes B. W. Putin's Protection Racket // From Soviet Plans to Russian Reality / I. Korhonen, L. Solanko (eds). Helsinki: WSOYpro Oy, 2011.

References (transliteration):

1. Ashkerov A. Nulevaya summa. Sovetskoe i postsovetskoe obshchestvo glazami antropologa. M.: SKIMEN™, 2011.
2. Belinskii V. G. Pis'mo k N. V. Gogolyu ot 15 iyulya 1847 g. // Russkaya literatura i fol'klor. (URL: <http://feb-web.ru/feb/gogol/texts/ps0/ps8/ps8-5002.htm> (data obrashcheniya: 03.02.2012)).
3. Berk E. Razmyshleniya o revolyutsii vo Frantsii i zasedaniyakh nekotorykh obshchestv v Londone, otnosyashchikhsya k etomu sobytiyu. M.: Rudomino, 1993 // Velikaya frantsuzskaya revolyutsiya. (URL: <http://larevolution.ru/Books/Burke1.html> (data obrashcheniya: 15.02.2012)).
4. Veber M. Tipologiya kapitalizma // Kustarev A. Kapitalizm v XXI veke: minus protestantskaya etika plyus konfutsianstvo // Neprikosnovenniy zapas. 2011. № 5. (URL: <http://www.nlobooks.ru/node/1045> (data obrashcheniya: 19.08.2012)).
5. Gumilev L. H. Ot Rusi k Rossii. Ocherki etnicheskoi istorii. M.: AST MOSKVA, 2008.
6. Klyuchevskii V. O. Kurs russkoi istorii. M.: Al'fa-Kniga, 2011.
7. Kozyrev M. Abramovich: «Narod — eto bydlo» (URL: http://slon.ru/economics/tsitatnik_abramovicha-824591.xhtml (data obrashcheniya: 09.02.2012)).
8. Kordonskii S.G., Dekhant D. K. Molyarenko O. A. Soslovnye komponenty sotsial'noi struktury Rossii gipotetiko-deduktivnyi analiz i popytka modelirovaniya // Mir Rossii. 2012. № 2.
9. Kordonskii S.G. «V real'nosti» i «na samom dele» // Logos. 2000. № 5/6. (URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_5_6/2000_5-6_07.htm (data obrashcheniya: 19.04.2012)).
10. Kuz'michev A.D., Shapkin I. N. Otechestvennoe predprinimatel'stvo. Ocherki istorii. M.: Progress-Akademiya, 1995.
11. Kustarev A. Retsenziya na kn. E. G. Yasina «Prizhivetsya li demokratiya v Rossii» // Pro et contra. 2005. sentyabr'-oktyabr'.
12. Landes D. Kul'tura ob'yasnyayet pochni vse // Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuyut obshchestvennomu progressu / Pod red. L. Kharrisona i S. Khantingtona. M.: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2002.
13. Makeeva V. G. Kul'tura predprinimatel'stva. M.: Infra-M, 2002.
14. Man'kov A. G. Zakonodatel'stvo i pravo Rossii vtoroi poloviny XYII. SPb: Nauka, 1998.
15. Niskanen U. A. Avtokraticeskaya, demokraticeskaya i optimal'naya formy pravleniya: fiskal'nye resheniya i ekonomicheskie rezul'taty. M.: Izd. Instituta Gaidara, 2013.
16. Olson M. Vlast' i protsvetanie. Pererastaya kommunisticheskie diktatury. M.: Novoe izdatel'stvo, 2012.
17. Panarin A. Tsivilizatsionnyi protsess v Rossii: opyt porazheniya i uroki na zavtra // Znamya. 1992. № 7.
18. Polan'i K. Ekonomika kak institutsional'no oformlenniy protsess // Ekonomicheskaya sotsiologiya. 2002. T. 3. № 2.
19. Polterovich V. M. Elementy teorii reform. M.: ZAO «Izd-vo «Ekonomika»», 2007.
20. Pompeev Yu. A. Istoriya i filosofiya otechestvennogo predprinimatel'stva. SPb: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet kul'tury i iskusstv, 2003.
21. Rumyantsev M. A. Etika predprinimatel'stva i natsional'nye traditsii v ekonomike Rossii. SPb.: SPbGUP, 1995.
22. Surkov V. Obnovlyaites», gospoda! // Itogi. 2009. № 44 (698).
23. Tilli Ch. Demokratiya..M.: АНО «Институт общественного проектирования», 2007.
24. Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. СПб., 1898.